

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181

ДИСКУССИЯ О «ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ ФРИГИЙЦАХ» И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Сверчков Л. М.*Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан
100029, г. Ташкент, пр-кт Мустакиллик, д. 2, Республика Узбекистан*

Аннотация

Цель. В последние годы развернулась широкая дискуссия относительно реликтового языка бурушаски, поводом для которой стала гипотеза И. Чашуле. Автор гипотезы определяет бурушаски как индоевропейский, древний балканский язык, очень вероятно, фригийский или родственный ему, хотя не отрицаются его контакты с северокавказскими и енисейскими языками. Оставляя предмет обсуждения на рассмотрение лингвистов, хотелось бы в этой связи привлечь внимание к проблеме происхождения неоднократно упомянутого анонимного центральноазиатского языка-донора и, помимо этого, привести данные генетического исследования киммерийцев, а также носителей карасукской и окуневской культур.

Процедура и методы. Представление о сложнейших исторических передвижениях народов и их культурных контактах могут дать археологические материалы из Центральной Азии. В частности, речь идёт о своеобразной культурно-исторической общности, распространившейся от южно-монгольского степного пояса до провинции Ганьсу, Таримского бассейна и далее на юго-запад до Среднеазиатского междуречья включительно.

Результаты. Археологические и лингвистические исследования показывают, что бурушаски может нести признаки контактов с анонимным языком, возможно, выявленным Г. Хольцером гипотетическим тематическим языком или, точнее, одним из представителей родственных языков, составлявших в глубокой древности некую праязыковую группу и когда-то распространённых на огромной территории от Южной Сибири до Гималаев, от Енисея до Дуная.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования имеют значение для рассмотрения круга вопросов, связанных с процессами этногенеза в Центральной Азии.

Ключевые слова: бурушаски, туры, тохары, юечжи, Кангюй, Самарканд, Фергана, общность лепной расписной керамики, окуневская и карасукская культуры

DISCUSSION ABOUT THE “CENTRAL ASIAN PHRYGIANS” AND ARCHAEOLOGICAL DATA

L. Sverchkov*Institute of Art Studies of Uzbekistan Academy of Sciences
prospect Mustakillik 2, Tashkent 100029, Republic of Uzbekistan*

Abstract

Aim. In recent years there has been a wide discussion about the relict language of Burushaski, the reason for which was the hypothesis of I. Čašule. The author of the hypothesis defines Burushaski as an Indo-European, ancient Balkan language, highly probably Phrygian or related to it, although its contacts with the North Caucasian and Yenisei languages are not denied. Leaving the subject

under discussion to the linguists, this paper draws attention must be drawn to the problem of the origin of the repeatedly mentioned anonymous Central Asian donor language and, in addition, cites the data of the genetic study of the Cimmerians, as well as the carriers of the Karasuk and Okunevo cultures.

Methodology. Archaeological materials from Central Asia can give an idea of the most complex historical movements of peoples and their cultural contacts. In particular, attention is paid to a peculiar cultural-historical community that spread from the southern Mongolian steppe belt to the province of Gansu, the Tarim basin and further southwest to the Central Asian interfluves inclusively.

Results. Archaeological and linguistic studies show that Burushaski may bear signs of contact with an anonymous language, possibly the hypothetical Temematic language identified by G. Holzer or, more precisely, one of the representatives of related languages that constituted in ancient times a certain primordial language group and once spread over a vast territory from South Siberia to the Himalayas, from the Yenisei to the Danube.

Research implications. The results of the study are relevant to the consideration of a range of issues related to the processes of ethnogenesis in Central Asia.

Keywords: Burushaski, Turan, Tocharians, Yuezhi, Kangju, Samarkand, Ferghana, Handmade Painted Pottery unity, Okunevo and Karasuk cultures

Введение

В последние годы всё чаще звучат определения «фригийцы», «фригийский язык» в отношении некоторых древних и современных народов Центральной Азии, их языков или отдельных языковых соответствий. Кажется, первым, кто заметил фригийский вклад в культуру и этногенез Средней Азии, был С. П. Толстов, обративший внимание, что на территории валиковой амирабадской культуры долго, до раннего средневековья, сохраняются элементы, присущие фрако-фригийскому кругу [14, с. 202–203]. Трудно сказать, чем была навеяна эта идея: именем основателя афригидской династии Африг или «фригийскими колпаками» на монетных изображениях правителей Хорезма, но рациональное зерно в этом утверждении, несомненно, присутствует.

Другое упоминание фригийского вклада принадлежит не археологу, а целому сонму лингвистов, определявших позицию тохарских языков в системе индоевропейских связей. Практически все сошлись во мнении о существовании долгого периода особо тесных контактов между носителями тохарского и фригийского или фрако-фригийского языка, отмечается также целый ряд соответствий

с германскими и балто-славянскими языками¹.

Странным образом «фригийцы» оказались на крайнем западе (Хорезм) и крайнем востоке (Тарим) Туркестана, насколько уместным является употребление этого географического термина в отношении столь древних времён. Ещё более странной показалась прозвучавшая недавно идея Л. С. Клейна о фригийцах в Пакистане; по мнению исследователя фригийцы (бхриги) около XII в. до н. э. проникли со Среднего Подунавья в долину Инда². Каким бы экстравагантным ни выглядело предположение Л. С. Клейна, оно получило неожиданное подтверждение в исследованиях известного лингвиста И. Чашуле, хотя, похоже, именно выводы последнего послужили основой для гипотезы Л. С. Клейна.

Предыстория: язык и гены

На протяжении более 20 лет И. Чашуле изучал происхождение и особенности

¹ См. подробнее: Hackstein O. Linguistic and Archaeological Insights on the Migration of the Proto-Tocharians. Masterarbeit zur Erlangung des akademischen Grades Master of Arts (M.A.) München: Ludwig-Maximilians-Universität, 2016.

² Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 112–113.

загадочного языка бурушаски. Всего носителей этого языка насчитывается около 90 000 чел.; проживают они в глубине горного массива Каракорум в Северо-Западном Пакистане. Выделяются 3 диалекта: в Хунзе, Ясине и Нагаре. Исследователи определяют бурушаски как один из реликтовых языков Евразии гипотетической дене-кавказской (сино-кавказской) макросемьи, поскольку в нём находили вполне отчётливые признаки родства с енисейскими и северокавказскими языками¹. Вопреки общему мнению, И. Чашуле в целом ряде работ пытается доказать индоевропейскую основу бурушаски. Более того, определяет его как «индоевропейский древний балканский язык, очень вероятно, фригийский или родственный ему язык, который очень хорошо сохранил основную лексику и большую часть своей грамматики и который развивался путём креолизации с языком, который ещё предстоит раскрыть»². Помимо этого, отмечены изоглоссы бурушаски с 32 славянскими словами, что, по мнению автора, указывает на заимствования из бурушаски в праславянский язык, и что в далёком прошлом их носители находились в тесном контакте³.

В упорной полемике с приверженцами дене-кавказской (сино-кавказской) теории происхождения бурушаски Дж. Бенгстоном и В. Блажеком⁴ И. Чашуле продолжает отстаивать свою позицию, хотя не отрицает наличие контактов бурушаски с северокавказскими и енисейскими языками⁵. Тем более что гене-

тические исследования по Y-хромосоме 20 образцов в целом свидетельствуют в пользу версии И. Чашуле. Народ бурушаски по генам совершенно отличается от всех 4 групп населения Пакистана, только, в отличие от Л. С. Клейна, авторы связывают происхождение языка и генов бурушаски с завоевательным походом греко-македонских войск Александра в конце IV в. до н. э.⁶.

О чрезвычайном обострении дискуссии по поводу происхождения языка бурушаски свидетельствует появление целого ряда публикаций, в одних он считается вымершим северо-западным индоевропейским языком, подвергшимся креолизации⁷, в других – классическим лингвистическим изолятом, вобравшим в себя несколько слоёв каких-то неизвестных индоевропейских языков⁸. Должным образом все мнения и доводы в пользу той или иной версии были учтены и суммированы в недавней статье Л. Алфиери. Её автор сомневается в индоевропейском происхождении бурушаски, но не исключает воздействия на него в древности какого-то неизвестного индоевропейского языка и признаёт тот факт, «*that in Burushaski there seems to be some ancient IE elements, which however are not compatible with any known IE language, thus they may suggest the existence of an extinct branch of the IE family that preserved the velar stops and the difference between PIE *e, *a, *o in the prehistory of the Karakoram area*» [2, p. 15–16].

Для историков-археологов, особенно тех, кто работает в Средней Азии, дискуссия по поводу бурушаски важна тем, что вновь привлекла внимание к некоему «инородному» компоненту, существо-

¹ См. подробнее: Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб.: Маматов, 2022. С. 74–77.

² Čašule I. Evidence for a Burushaski-Phrygian connection // Acta Orientalia. 2014. № 75. P. 3–30.

³ Čašule I. Evidence for the Indo-European and Balkan origin of Burushaski. Munich: Lincom Europa, 2016; Čašule I. Burushaski and unique Slavic isoglosses // Himalayan Linguistics. 2017. № 16-2. P. 1–25.

⁴ Bengston J. D., Blažek V. On the Burushaski Indo-European hypothesis by I. Čašule // Journal of Language relationship. 2011. № 6. P. 25–63.

⁵ Čašule I. The Indo-European origin of the Burushaski language and the Dene-Caucasian hypothesis // Journal of Asian Civilizations. 2022. № 45 (2). P. 75–138.

⁶ Oefner P. J., et al. Genetics and the History of the Samaritans: Y-Chromosomal Microsatellites and Genetic Affinity between Samaritans and Cohanim // Human Biology Open Access PrePrints. 2013. Paper 40. P. 839.

⁷ Hamp E. Comments on Čašule 'Correlation of the of the Burushaski pronominal system with Indo-European // Journal of Indo-European Studies. 2012. № 40.1–2. P. 154–156.

⁸ Там же. P. 162–164.

вавшему в Центральной Азии в древнейшие времена. В данном случае даже не столь важно, насколько бурушаски соответствует критериям индоевропейской семьи. Намного важнее, что благодаря исследованиям И. Чашуле в бурушаски выявляется набор изоглосс, объединяющих его с фригийским и балто-славянскими языками. Когда-то подобное уже прозвучало в отношении тохарских языков, что заставляет видеть в этом факте не случайность, а закономерность. Похоже, выводы лингвистов показывают нам очередное проявление загадочного неизвестного индоевропейского языка, близкого к фригийскому, оставившему свои следы во многих языках и культурах Центральной Азии. И бурушаски здесь не исключение.

Каким образом эти так называемые «фригийцы» оказались в глубинах Азии, были эти группы изначально разрозненными, разновременными или все они осколки некогда единой общности, покажет будущее, а пока хотелось бы привлечь внимание к монументальному и крайне интересному исследованию Г. Хольцера.

В 1989 г. австрийский учёный Г. Хольцер обнаружил в славянских и балтских языках древний индоевропейский субстрат, состоящий из 45 слов и не относящийся ни к одному из ныне известных языков. Автор исследования дал ему название «темематический», датировал время контактов его носителей с балто-славянами приблизительно IX в. до н. э. и, соответственно, связал темематический язык с историческими киммерийцами¹. Ссылаясь на базовые работы известных археологов, Г. Хольцер рассматривает возможный источник темематического языка: срубную культуру (А. И. Тереножкин) или катакомбную и её производные (М. Гимбутас)².

Ф. Кортландт попытался реконструировать темематический язык и пришёл к выводу, что он близок греко-фригийскому праязыку, хотя доказать существование такого трудно. По некоторым особенностям темематический язык похож на тохарский, италийский и анатолийский, в чём-то – на германский. Некоторые черты, вероятно, позднейшего происхождения, объединяют его с дако-албанским языком. Соответственно, автор резонно предположил раннее его отделение от общеиндоевропейского ядра, сразу вслед за итало-кельтскими и германскими. Относительно позиции темематического в кругу родственных языков автор определил его близость к фригийскому³.

В соответствии с традициями классического образования при упоминании фракийцев и киммерийцев поневоле возникают ассоциации со степями Северного Причерноморья, придунайскими и северо-балканскими равнинами. Но, как показывает краткий блестящий обзор Н. А. Николаевой [5], наверное, нет ничего более неблагоприятного в археологии Восточной Европы, чем проблема происхождения киммерийцев. Ситуацию усугубило или, наоборот, прояснило недавнее генетическое исследование образцов эпохи поздней бронзы и раннего железа.

Киммерийцы, в отличие от представителей срубной и алакульской культур, содержат сибирский генетический компонент, в частности, палеоазиатский и коренных американцев, указывающий на их восточное происхождение. В этом отношении киммерийцы сближаются с представителями карасукской культуры, тем самым подтверждая высказанное ещё в 1972 г. Н. Л. Членовой мнение о существовании карасукско-киммерийской культурно-исторической общности [16]. Та же генетическая линия с характерным компонентом азиатских народов и корен-

¹ Holzer G. Entlehnungen aus einer bisher unbekannten indogermanischen Sprache im Urslavischen und Urbaltischen. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1989. P. 9–12, 177–179, 212–214.

² Там же. P. 215–216.

³ Kortlandt F. An Indo-European substratum in Slavic? // Languages in Prehistoric Europe / ed. by A. Bammesberger, T. Vennemann. Heidelberg, 2003. P. 253, 258–260.

ных американцев восходит к окуневской культуре эпохи бронзы [18, р. 169; 24, р. 4, 8].

Данные генетического анализа по киммерийцам, карасукской и окуневской культурам удивительным образом совпадают с лингвистическими данными по языку бурушаски. Уникальный язык бурушаски несёт признаки контактов с самыми разными языками самых разных языковых семей, соответственно, в смежных группах древнего и древнейшего населения Среднего Востока и Центральной Азии должны сохраниться признаки обратного влияния. Это заставляет нас вновь обратиться к настойчиво повторяющимся свидетельствам присутствия в Центральной Азии некоего загадочного индоевропейского языка, выявленного новейшими исследованиями в области сравнительного языкознания.

Г. Карлинг, отмечая установленный факт отсутствия связей тохарского и общеиндоиранского, рассматривает вопросы контактов тохарского с индоарийским, происходивших, вероятно, не позднее II тыс. до н. э. В результате обнаруживается ряд ранних заимствований и в прототохарский, и в индоиранский/ранний индоарийский (вероятно, и в китайский) из одного и того же неизвестного языка-донора, существовавшего некогда в Центральной Азии [21, р. 52–54, 66].

В известной дискуссии И. М. Дьяконова с Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Ивановым приводится китайское слово **lac* «молоко (творог, сыр, масло)», восходящее не к тохарскому, а к древнему общеиндоевропейскому **Grag* «молочный продукт» [2, с. 120; 4, с. 22–23;]. Вероятно, происхождение китайского слова для обозначения молочного продукта также следует объяснить влиянием этого неизвестного языка.

Много раньше Т. Барроу на основании изучения документов III в. из г. Ния – столицы государства Крорайна (Лоулань) – пришёл к выводу о возможности существования в южных областях бассейна

р. Тарим какого-то индоевропейского языка, который настолько близок тохарским, что он условно назвал его третьим «тохарским языком» [20, р. 675].

В раннем (до отделения прабулгарского) пратюркском языке выявлены заимствования из тохарских диалектов, относящиеся, по-видимому, уже к I тыс. до н. э. [3, с. 125–134]. Особо отмечается, что «некоторые же из предполагаемых заимствований в пратюркском языке восходят либо к неизвестному нам диалекту пратохарского, либо к близкородственному индоевропейскому языку» [3, с. 14].

В. В. Напольских также выявляет наличие какого-то неизвестного языка, названного автором «паратохарским». Он обосновывает это тем, что в уральских языках уже после распада прауральского и прафинно-угорского языков наблюдаются заимствования (примерно в первой половине II тыс. до н. э.), «не из прямого предка известных тохарских языков (пратохарского), а из языка, который не оставил живых прямых потомков, но был, по-видимому, близок пратохарскому на ранних стадиях его развития (паратохарского)»¹.

Вполне возможно, что этот же неизвестный язык оставил свой след и в истории Средней Азии. Так, до сих пор невыясненной остаётся этимология имён кушанских правителей Бактрии с характерным суффиксом *-šk-*: Канишка, Хувишка и Васишка². В собственно бактрийском языке его нет, в тохарском – есть, однако иранские этимологии подходят для перечисленных имён лучше³. Изучая китайские письменные источники о родине кушан-юечжи г. Чжао'у, Ю. Йошида тоже говорит о каком-то неизвест-

¹ Напольских В. В. Названия соли в уральских языках. СПб: МАМАТОВ, 2022. С. 38.

² См.: Захаров А. О. К проблеме происхождения юечжей // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.–Магнитогорск: МаГУ, 2002. С. 447–455.

³ Иванов В. В. Тохары // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религия. М.: Наука, 1992. С. 19.

ном языке, как он предполагает, эфталитском [25, р. 51–52, 61].

До сих пор необъяснённым остаётся происхождение многих географических названий Средней Азии, даже таких известных, как Самарканд, Бухара, Чач (Ташкент). Предпринимаемые попытки были связаны исключительно с иранскими или тюркскими языками, оттого успеха не имели. Происхождение названия «Фергана» не выяснено, хотя В. А. Лившицем предложена его реконструкция: «Написание $\beta ry'n(')k$ в мугских текстах показывает, что древней формой названия области была $*Far(a)gāna$ или $*Fragāna$ »¹. Может быть, специалистам стоит обратить внимание на самоназвание фригийцев – бхриги ($bhryges$) с начальным придыхательным bh ². Насколько оно соответствует согдийскому $\beta ry'n'k$ или $\beta ry'nk$ – Фергана, ферганский?³

Пример Ферганы вообще очень показательен не только с точки зрения лингвистики, но и с позиций археологии. Долгое время историю долины рассматривали как некий обособленный остров со своеобразной культурой, в отрыве от юго-западных соседей и, в силу тех или иных причин, восточных. В археологии Ферганской долины, как в зеркале, отразилась главная историческая закономерность исторического развития Средней Азии, заключающаяся в симбиозе двух народов, двух культур и, соответственно, биполярности двух хозяйственных укладов – земледельческого и скотоводческого. В эпоху поздней бронзы и раннего железа в Фергане взаимодействовали земледельческая чустская культура и скотоводческая кайраккумская, около середины I тыс. до н. э. – эйлатанская и

актамская, затем вплоть до раннего средневековья – шурабашатская и кугай-карабулакская.

История и археология

В эпоху поздней бронзы и раннего железа на огромном пространстве от Таримского бассейна в Синьцзяне до Южного Афганистана и Северо-Восточного Ирана распространяется общность культур лепной расписной керамики, наступает так называемый *период варварской оккупации*. Название общепринятое, но крайне неудачное, поскольку процент посуды с росписью обычно крайне низок (2–3%), в среднем около 10%, в Таримском бассейне процент её обычно выше. В Ферганской долине – это, как сказано выше, чустская культура; в Ташкентской области – бургулюкская; в Южном Узбекистане, Южном Туркменистане и Северо-Восточном Иране – культура Яз-І; в Центральном Узбекистане, в долинах рек Зарафшан, Кашкадарья – без названия, просто «памятники типа Яз-І».

В период между 1500 и 1000 гг. до н. э. ареал распространения общности лепной расписной керамики достигал максимума, занимая на юге земли, опустевшие после ухода носителей Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). До 1500 г. до н. э. БМАК занимал относительно узкую широтную полосу от Северо-Восточного Ирана до Северного Афганистана, северным краем лишь незначительно захватывая самые южные районы Средней Азии. После 1500 г. до н. э. областями, не занятыми культурами расписной керамики, остались безлюдные просторы знаменитых среднеазиатских пустынь, Большой Хорезм и степи Казахстана, где в то время распространились восточноиранские постандроновские культуры. Особо следует подчеркнуть, что общность лепной расписной керамики по всем признакам кардинально отличается как от северных, степных культур, так и южных, бактрийских, возникших на основе Бактрийско-

¹ Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2008. С. 93–94.

² Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб., 2007. С. 110.

³ Согдийские документы с горы Муг. Вып. III. Хозяйственные документы / пер. М. Н. Боголюбова, О. И. Смирновой. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. С. 103.

Маргианского археологического комплекса.

Около 1000 г. до н. э. культура Яз-I откатывается на север, оставляя свои поселения, территорию Афганистана и юг Средней Азии занимает центрально-иранская авестийская культура Яз-II. В Узбекистане последняя зафиксирована только в самой южной, Сурхандарьинской, области [12]. Условная граница двух культур – Яз-II и расписной керамики – пролегла по отрогам Гиссарского хребта, т. е. там же, где много лет спустя Греко-Бактрия, а затем Кушанская империя граничили с Согдианой. Примерно на этом рубеже долгое время происходило историческое соперничество двух политических титанов Среднего Востока – Ирана и Турана. Память об общем культурно-историческом пространстве под названием Туран, существовавшем в то время, сохранилась в дошедших до нас ранних частях священной книги «Авеста» и позднем поэтическом собрании древних сказаний «Шахнаме» Фирдоуси.

В «Авесте»¹ отражён захват царём Турана Франграсьяном (Афрасиабом) всей страны ариев – «Арьянэм-Вайчах». Афрасиаб даже проводил строительные работы в Сеистане, в т. ч. возле легендарного оз. Хамун². Это полностью подтверждается данными археологии: и географией культуры расписной керамики, и материалами Яз-I из нижних слоёв городища Нади-Али в Сеистане. Стоит сказать, что Сеистан в зороастрийской традиции имеет особое значение, а руины Нади-Али близ впадения р. Хильменд в оз. Хамун считаются столичным центром «Арийского простора»³. Возможно,

с тех времён в Афганском Белуджистане на юго-востоке Иранского нагорья сохранилось название Туран, упоминавшееся в раннесасанидское время. Во всяком случае, в известном поселении Мундигак в Афганском Белуджистане материалы Яз-I представлены неплохо.

Центральной областью Турана под названием Кангха или Канг видится долина Заравшана, где издревле располагался главный коммуникационный узел Центральной Азии. Здесь находятся 2 крупных памятника культуры лепной расписной керамики – городище древнего Самарканда Афрасиаб (нижний слой) и городище Коктепа (нижние слои) в 25 км к северу от Самарканда⁴. Из них Коктепа площадью только в пределах оборонительных стен 17 га уверенно может претендовать на столицу Турана – г. Канг.

Во избежание недоразумений следует ещё раз напомнить, что в Среднеазиатском междуречье, в отличие от казахстанских степей, никогда не было чего-либо напоподобие курганов Аржан и Пазырык. Можно говорить о скифской культуре на удалённых окраинах Средней Азии – в низовьях Сырдарьи (Большой Хорезм) или о скифо-сакских материалах Памира, близких хотано-сакским, но классической скифской триады, как в Казахстане, мы нигде в Средней Азии не видим.

Где-то в V в. до н. э. Иран, точнее, Ахеменидская империя существенно потеснила Туран, захватив все северные территории вплоть до Сырдарьи. Культуры лепной расписной керамики остались в Ташкентской области, Ферганской долине и, разумеется, Синьцзяне. Столичные центры Коктепа и Афрасиаб были захвачены и подвергнуты реконструкции. Скорее всего, новый центр Турана вынужденно переносится на правобережье Сырдарьи, на территорию Большого Ташкента. Однако уже в 329–328 гг. до н. э.

¹ Результаты скрупулёзного анализа такой крайне неблагодарной темы, как география «Авесты», детально изложены в замечательной работе: Ходжаева Н. Д. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе: Дониш, 2017. С. 198–263.

² История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Душанбе: Суруш, 1998. С. 243.

³ Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. Naples: Istituto universitario orientale in Naples. 1980. P. 129–136;

Gnoli G. Avestan Geography // Encyclopædia Iranica. Vol. III. London, New York, 1989, pp. 46.

⁴ Исамиддинов М. Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент: Фан, 2002. 42 с.

все известные памятники ахеменидского времени Средней Азии были жесточайшим образом разрушены греко-македонскими войсками. На стороне Александра выступили союзники из числа жителей приаксартских областей. Об этом свидетельствуют не только сумбурные данные классических источников, но и находки лепных и расписных сосудов ферганского эйлатано-актамского типа в одном слое с раннеэллинистической керамикой [10; 11; 13].

С окончанием Селевкидского периода около середины III в. до н. э., задолго до «юечжийского штурма» Греко-Бактрии в центральные области Средней Азии проникают восточноиранские племена. На юге они остановились на линии отрогов Гиссарского хребта, в Ташкентской области древняя бургулюкская культура поглощается сарматоидной Каунчи. Приблизительно с этого времени восстанавливается древнее название политического центра Турана области Кангха, прозвучавшее в китайской транскрипции II в. до н. э. (около 128 г. до н. э.) как Кангюй или Канцзюй¹. С тех пор и вплоть до наших дней название Кан (*Kang*) в китайской традиции связано исключительно с Самаркандом и собственными именами выходцев из него.

Прямая генетическая линия Турана сохранилась только в Ферганской долине с её биполярной системой культур шурабашат-кутай-карабулак, в Южном Синьцзяне, Западном Ганьсу и Северном Цинхае, где, несомненно, существовал аналогичный земледельческо-скотоводческий и этнический симбиоз. Если в бассейне Тарима издревле господствовала тохарская культура лепной расписной керамики, то предгорья Восточного Тянь-Шаня в X–II вв. до н. э. занимали

носители баркольской культуры (*Barkol Culture*), уверенно отождествляемые китайскими исследователями с этническими юечжами².

Во II в. до н. э. из Ганьсу, вовлекая в общий процесс восточноиранские племена, выплеснулась особо мощная миграционная волна, приведшая на престол Кушанской Бактрии юечжийскую династию с её не тохарскими и не бактрийскими непереводаемыми именами Канишка, Хувишка и Васишка.

Как последних прямых потомков древних туров можно перечислить загадочных кидаритов (сяо юечжи), хионитов и эфталитов, очередных врагов Ирана, только уже Сасанидского, но это тема отдельного исследования. В дальнейшем эстафету войн с Ираном после недолгого союза переняли тюрки, заимствовав в несколько искажённом виде название страны Туран и народа, её населявшего, но не язык.

Язык туров не был и иранским: ни само название туры, ни имя Франграсьян (Афрасиаб) не имеют иранской этимологии [6, с. 232–233]. Судя по «Гимну Хварно» «Авесты», когда царь Турана Франграсьян, ругаясь, переходил на родной язык, арии совершенно ничего не понимали и воспринимали его речь как абракадабру³. В то же время никак не получается признать туранский язык тохарским, можно лишь предполагать их относительно близкую взаимосвязь. Так, в эпическом сказании «Шахнаме» на стороне туров выступает персонаж по имени Тохар. В одной части «Книге царей» он – хитроумный советник сына Сиавуша Форуда, возглавлявшего туранское войско

¹ В этой связи самого пристального внимания заслуживает перевод с тохарского В слова *'kaciye'* – 'country, land' [Adams D. Q. A Dictionary of Tocharian B. Revised and Greatly Enlarged Edition. 2 vols. Leiden: Brill, 2013. P. 144, 203] как возможное свидетельство туро-тохарского единства.

² Wei Lanhai Li Hui & Xu Wenkan. The separate origins of the Tocharians and the Yuezhi: Results from recent advances in archaeology and genetics // Tocharian texts in context. International conference on Tocharian manuscripts and Silk Road culture held June 26–28, 2013 in Vienna / ed. by M. Malzahn, et al. Vienna, 2013, pp. 282–285. Fig. 1.

³ Авеста. Избранные гимны. Яшт 19, VIII: 1 / пер. с авестийского И. М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. С. 138.

против Кей-Хосрова, в другой Тохар – владетель Дехистана¹.

Таким образом, нет необходимости связывать появление признаков фригийского языка в Центральной Азии с потомками воинов Александра, поскольку признаки эти имеются там, где даже греческого влияния никогда не было. Возможно, более благодарной смотрится теория близкого к фригийскому «темематического» языка, который и мог послужить тем самым анонимным донором для всех своих многочисленных соседей. С учётом обширной территории, где имеются проявления контактов с неизвестным языком, вероятно, речь идёт даже не о каком-то отдельном языке, а, скорее, об одной из древнейших языковых групп индоевропейской семьи. Можно ли считать эту группу отдельной ветвью общей семьи, предстоит решать специалистам. Для археологов более важным является ответ на вопрос, каким образом эти так называемые центральноазиатские фригийцы сумели приобрести такой весьма специфичный набор контактов – от северокавказских народов до палеоазиатских, и не только.

С точки зрения среднеазиатской археологии мнение автора уже высказано: юго-западный импульс, достигший около 2 400 г. до н. э. Южной Сибири, отражён и в археологическом материале, и в антропологическом, и в замечательных наскальных изображениях окуневской культуры [8, с. 178–180; 9].

Начало начал усматривается в материалах раскопок первого в мире катакомбного могильника халафской культуры, в недрах которой зародилась и около середины IV тыс. до н. э. сформировалась культура чёрно-серой керамики Северо-Восточного Ирана и Юго-Западного Туркменистана. По имени знаменитого клада она называется астрабадской и всегда существовала в тесном союзе с анауской культурой расписной керамики Намаз-

га III–IV. Присущий этому альянсу биполярный земледельческо-скотоводческий симбиоз нагляднее всего представлен на памятниках Шахри-Сохте [15; 19] и Акдепе [7, с. 91–92]. Особенно примечательно в Шахри-Сохте сочетание типичных для анауской культуры сырцовых склепов-цист и ям с астрабадскими катакомбами в одном и том же могильнике [23]. В начале III тыс. до н. э. на поселении процветала металлургия мышьяковистых бронз тигельным способом, причём переработка меди осуществлялась более прогрессивным методом, чем где бы то ни было на Среднем Востоке [22].

О теснейших контактах астрабадской культуры и соседней северокавказской куро-аракской сказано немало, как и о признаках сначала постепенного проникновения, а в начале III тыс. до н. э. взрывного переселения в северо-восточном направлении. Ярким отражением миграции стали появление в Китае яркой культуры Луншань, внезапный расцвет металлургии бронзы, появление зачатков письменности, традиционной гадательной практики и, самое главное, уже культивированных пшеницы и ячменя, а также коров, коз и овец. На этом фоне ареал окуневской культуры, как и её преемницы карасукской, представляет собой не более чем дальнюю северную периферию общего культурного пространства, центр которого, судя по всему, находился в уже упомянутых в связи с юечжами провинциях Ганьсу и Цинхай². Однако принцип сочетания в погребальной практике цист, правда, не из сырцовых кирпичей, а из камня, а также катакомбных захоронений в окуневской культуре неуклонно соблюдался, причём катакомбные погребения на ранних этапах преобладают.

² При всём скепсисе в отношении китайских письменных источников в них можно почерпнуть информацию о турах в привязке к северу провинции Ганьсу и происхождении названия Дуньхуан (см. лингвистический анализ: Voikov T.h. Some ancient Chinese names in East Turkestan, Central Asia, and Tocharian question [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 06.11.2023).

¹ Фирдоуси / пер. Ц. Б. Бану-Лахути. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. II: 26. С. 388–407; Т. III: 26. С. 356, 461.

Вместе с более лёгкими на подъём скотоводами – носителями «неизвестного языка» (или в массе своей немногим позднее) пришли земледельцы-протохары, облюбовавшие по соседству бассейн Тарима. Конечно, в анналы индоевропейстики уже вошло решение о признании протохарами афанасьевской культуры, и было бы очень радостно найти этому хоть одно археологическое подтверждение¹. Но, к превеликому сожалению, пока можно видеть предтечу культур лепной расписной керамики Синьцзяна только в анауской культуре юго-запада. Причём от эпохи позднего энеолита до раннего средневековья отличительной чертой альянса тохаров и «центрально-азиатских фригийцев» было настолько тесное переплетение, что по письменным источникам практически невозможно отличить одних от других. Так было в случае с тохарами и юечжи, так было и в случае с их предшественниками турами, где материальная культура относится, по сути, к пратохарской общности лепной расписной керамики, а имена и язык – к «фригийским» или, может быть, гипотетическим тематическим.

Вполне вероятно, что благодаря этому якобы «фригийскому» языку станет возможен перевод надписей «неизвестным письмом», во множестве обнаруженных в Бактрии как раз после «юечжийского штурма», хотя древнейший образец этого письма зафиксирован на серебряном блюде в знаменитом кургане Иссык конца IV в. до н. э. [1, с. 33–36]. Невнятные сведения о находках неизвестного письма поступали также из Ферганской долины, но потом они были отнесены то к арамейским, то к кхароштинским, то к тюркским руническим. Возможно также, что получится, наконец, выяснить этимологию имён кушанских царей и суффикса *-лк-*,

а также имён собственных, принадлежащих кидаритам, хионитам и эфталитам.

Заключение

Как представляется, бурушаски может нести признаки контактов с анонимным языком, возможно, с тем самым выявленным Г. Хольцером гипотетическим тематическим языком или, точнее, одним из представителей родственных языков, составлявших в глубокой древности некую праязыковую группу и когда-то распространённых на огромной территории от Южной Сибири до Гималаев, от Енисея до Дуная. Набор контактов этого «неизвестного языка» намного обширнее, чем у тохарских, однако предки их всегда и во все времена жили в очень тесном союзе. По данным археологии Средней Азии, истоки их союза усматриваются в Северо-Восточном Иране и Юго-Западном Туркменистане, где произошло своего рода слияние анауской земледельческой и астрабадской скотоводческой культур.

В эпоху бронзы они продолжили своё сосуществование уже в Центральной Азии, по соседству и в прямом контакте с лесными охотниками-собирающими – носителями палеоазиатских языков. Своеобразный набор генов последовательно отразился в представителях окуневской культуры и карасукско-киммерийской общности, на те же признаки указывают лингвистические особенности бурушаски. Вероятно, ядро якобы «фригийского» анонимного языка располагалось традиционно вместе с тохарскими – на юге Синьцзяна, западе Ганьсу и севере Цинхая, включая южномонгольский степной пояс на севере, т.е. в исконных землях «больших юечжи».

Здесь вследствие юго-западного импульса, задолго до сложения андроновской культуры, впервые в истории Центральной Азии появляется сам принцип скотоводческого типа хозяйства с присущим ему укладом жизни, высокой мобильностью и воинственной психологией. Это во многом предопределило

¹ Последние генетические исследования полностью опровергли афанасьевское присутствие в Таримском бассейне (См: Fan Zhang, et al. The genomic origins of the Bronze Age Tarim Basin mummies // Nature. 2021. P. 256–272).

ход исторических процессов в Евразии, сопровождавшийся периодическими выплесками из нестабильной зоны разноязычных племенных групп в западном и юго-западном направлениях. Со временем сменялись этносы, но сам образ жизни и суровые условия окружающей среды толкали их на запад, для примера достаточно вспомнить киммерийцев, скифов, сарматов, гуннов, тюрков, монголов.

На юго-западном направлении, в Средней Азии, общность лепной расписной керамики и её распространение относится ко времени существования политического образования Туран, где вновь проявился тохаро-туранский симбиоз при явном, судя по именам и топонимам, языковом доминировании последнего. Конечно, неверно называть туранский язык «фригийским», но отнести его к неоднократно замеченному «анонимному языку-донору» (не исключено, из группы темематических) вполне возможно. Показательно, что аналогичная ситуация сложилась и в юечжийско-кушанский период, когда страна с ираноязычным населением стала называться Тохаристан, а владельцы – кушанами с именами «неизвестного» происхождения. Как представляется, этнические юечжи II в. до н. э. являлись далёкими потомками создателей окуневской и карасукской культуры, как, возможно, и кидарито-эфталитские племена – потомками самих юечжи.

Где-то со II в. до н. э. по VI–VII вв. н. э. горные селения Каракорума, в отличие от жителей афганского Нуристана (Кафиристана), отнюдь не были изолированы от внешнего мира. На рубеже нашей эры вдоль р. Инд, в т. ч. через селения бурушаски, пролегал торговый маршрут, по которому из Сериндии поступали чрезвычайно высоко ценившиеся в Римской империи товары – шёлк и лучшая в известном мире сталь. Многочисленные паломники и отдельные посольства, в конце концов, само распространение буддизма на территорию Китая оставили самые невероятные по количеству следы в виде наскальных изображений в Северном Пакистане¹ и не менее невероятное этническое и генетическое разнообразие древнего населения Ладака в Северо-Западной Индии².

Всё вышесказанное не в меньшей, а то и большей степени относится к территории Среднеазиатского междуречья, где с древнейших времён осуществлялись многочисленные контакты между представителями самых разных языковых семей, рас, культур и религий. В каком-то смысле этот процесс продолжается и поныне, отражая главную закономерность исторического развития Средней Азии, как бы она не называлась – Туран, Мавераннахр или Туркестан.

Дата поступления в редакцию 30.09.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Вертоградова В. В. Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе (проблемы дешифровки и интерпретации). М.: Восточная литература, 1995. 159 с.
2. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. К проблеме прапродины носителей родственных диалектов и методам её установления (по поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4) // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 107–122.
3. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Восточная литература РАН, 2007. 226 с.
4. Дьяконов И. М. О прапродине носителей индоевропейских диалектов. II // Вестник древней истории. 1982. № 4. С. 11–25.

¹ См.: Antiquities of Northern Pakistan. Reports and studies. Vol. 1–5 / K. Jettmar, ed. Verlag Philipp von Zabern. Mainz, 1989–2004.

² Rowold D. J., et al. Ladakh, India: the land of high passes and genetic heterogeneity reveals a confluence of migrations // European Journal of Human Genetics. 2016. № 24. P. 442–449.

5. Николаева Н.А. К начальной истории киммерийцев // Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н.э.: мат-лы науч. конф. М.: ИВ РАН, 2017. С. 80–88.
6. Пьянков И. В. Жуны и ди, аримаспы и амазонки (к вопросу о дальневосточном импульсе в истории евразийских степей конца II – I тыс. до н. э.) // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2006. Т. II. С. 215–238.
7. Сарияниди В. И. Материальная культура Южного Туркменистана в период ранней бронзы // Первообытный Туркменистан. Ашхабад: Ылым, 1976. С. 82–111.
8. Сверчков Л. М. Тохары: древние индоевропейцы в Центральной Азии. Ташкент: SMI-ASIA, 2011. 240 с.
9. Сверчков Л. М. К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: мат-лы междунауч. конф. Кн. 2 / ред. В. А. Алёшкин и др. СПб.: Периферия, 2012. С. 287–293.
10. Сверчков Л. М. Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент: SMI-ASIA, 2013. 188 с.
11. Сверчков Л. М., У Син, Бороффка Н. Городище Кизылтепа (VI–IV вв. до н. э.): новые данные // Scripta antiqua: вопросы древней истории, филологии и материальной культуры. Альманах. Т. 3 / гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2013. С. 31–74.
12. Сверчков Л. М., Бороффка Н. Период Яз II: этапы и хронология // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. Новая серия. 2015. Т. III. С. 567–582.
13. Сверчков Л. М., У Син. Храм огня V–IV вв. до н. э. Кизылтепа // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии и материальной культуры. Альманах. Т. 8. / гл. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание, 2019. С. 96–128.
14. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М.: Изд-во МГУ, 1948. 352 с.
15. Тоси М. Сеистан в бронзовом веке – раскопки в Шахри-Сохте // Советская археология. 1971. № 3. С. 15–30.
16. Членова Н. Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
17. Alfieri L. Is Burushaski an Indo-European Language? On a Series of Recent Publications by Professor Ilija Čašule // Journal of Indo-European Studies. 2020. № 48.1–2. P. 1–22.
18. Allentoft M. E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. P. 167–183.
19. Biscione R. Dynamics of an early South Asian urbanization: First Period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia // South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge. London, 1973. P. 105–118.
20. Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan // Journal of the Royal Asiatic Society. 1935. Vol. 67. Iss. 4. P. 667–675.
21. Carling G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language // Journal of Indo-European. 2005. № 50. P. 47–70.
22. Hauptmann A., Rehren T., Schmitt-Strecker S. Early Bronze Age copper metallurgy at Shahr-I Sokhta (Iran), reconsidered // Der Anschnitt. Beiheft 16. Man and Mining – Mensch und Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday. Bochum, 2003, pp. 197–213.
23. Tosi M., Piperno M. The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns) // Proceedings of the IIIrd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran. Tehran: Iranian Centre for Archaeological Research, 1975. P. 121–141.
24. Unterländer M., et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe // Nature Communications. DOI: 10.1038/ncomms14615.
25. Yoshida Y. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related Problems // Journal Asiatique. 2003. № 1–2. P. 35–67.

REFERENCES

1. Vertogradova V. V. *Indiyskaya epigrafika iz Kara-tepe v Starom Termeze (problemy deshifrovki i interpretatsii)* [Indian epigraphy from Kara-Tepe in Old Termez (problems of decipherment and interpretation)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1995. 159 p.

2. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. [On the problem of the ancestral homeland of speakers of related dialects and methods of establishing it (regarding the articles of I. M. Dyakonov in VDI, 1982, no. 3–4)]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1984, no. 2, pp. 107–122.
3. Dybo A. V. *Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov: leksicheskiy fond: pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks: lexical fund: the Proto-Turkic period]. Moscow, Vostochnaya literatura RAN Publ., 2007. 226 p.
4. Dyakonov I. M. [About the ancestral home of speakers of Indo-European dialects. II]. In: *Vestnik drevney istorii* [Bulletin of ancient history], 1982, no. 4, pp. 11–25.
5. Nikolaeva N. A. [On the initial history of the Cimmerians]. In: *Etnokulturnoye razvitiye Blizhnego Vostoka v IV–I tysyacheletiyakh do n. e.* [Ethnocultural development of the Middle East in the 4th–1st millennia BC]. Moscow, IV RAS Publ., 2017, pp. 80–88.
6. P'iankov I. V. [The Jung and the Di, the Arimaspoi and the Amazons (on the Far Eastern impulse in the history of the Euro-asian steppes within the late 2nd–1st millennia B.C.)]. In: *Zapiski Vostochnogo ot-deleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. T. II* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New episode. T. II]. St. Petersburg, Petersburg Oriental Studies, 2006, pp. 215–238.
7. Sarianidi V. I. [Material culture of Southern Turkmenistan during the Early Bronze Age]. In: *Pervobytnyy Turkmenistan* [Primitive Turkmenistan]. Ashgabat, Ylym Publ., 1976, pp. 82–111.
8. Sverchkov L. M. *Tokhary: drevniye indoyevropeytsy v Tsentralnoy Azii* [Tochars: ancient Indo-Europeans in Central Asia]. Tashkent, SMI-ASIA Publ., 2011. 240 p.
9. Sverchkov L. M. [On the issue of the origin and spread of the catacomb burial method]. In: Alyokshin V. A., ed. *Kul'tury stepnoy Yevrazii i ikh vzaimodeystviye s drevnimi tsivilizatsiyami*. Kn. 2 [Cultures of steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Book 2]. St. Petersburg, Periferiya Publ., 2012, pp. 287–293.
10. Sverchkov L. M. *Kurganzol – krepost Aleksandra na yuge Uzbekistana* [Kurganzol – Alexander's fortress in the south of Uzbekistan]. Tashkent, SMI-ASIA Publ., 2013. 188 p.
11. Sverchkov L. M., Wu Sin, Boroffka N. [The ancient settlement of Kizyltepa (VI–IV centuries BC): new data]. In: Bukharin M. D., ed. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii i materialnoy kul'tury. Almanakh. T. 3* [Scripta antiqua. Questions of ancient history, philology and material culture. Almanac. Vol. 3]. Moscow, Sobranie Publ., 2013, pp. 31–74.
12. Sverchkov L. M., Boroffka N. [Period of Yaz-II: stages and chronology]. In: *Zapiski Vostochnogo ot-deleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. Novaya seriya. T. III* [Notes of the Eastern Branch of the Russian Archaeological Society. New episode. Vol. III]. St. Petersburg, Contrast Publ., 2015, pp. 567–582.
13. Sverchkov L. M., Wu Sin [The Temple of Fire V–IV B.C. Kyzyltepa]. In: Bukharin M. D., ed. *Scripta antiqua. Voprosy drevney istorii, filologii i materialnoy kul'tury. Almanakh. T. 8* [Scripta antique: Questions of ancient history, philology and material culture. Almanac. Vol. 8]. Moscow, Sobranie Publ., 2019, pp. 96–128.
14. Tolstov S. P. [Ancient Khorezm. Experience in historical and archaeological research]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1948. 352 p.
15. Tosi M. [Seistan in the Bronze Age – excavations in Shahri-Sokhta]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1971, no. 3, pp. 15–30.
16. Chlenova N. L. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi* [Chronology of monuments of the Karasuk era]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 248 p.
17. Alfieri L. Is Burushaski an Indo-European Language? On a Series of Recent Publications by Professor Ilija Čašule. In: *Journal of Indo-European Studies*, 2020, no. 48.1–2, pp. 1–22.
18. Allentoft M. E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, vol. 522, pp. 167–183.
19. Biscione R. Dynamics of an early South Asian urbanization: First Period of Shahr-i Sokhta and its connections with Southern Turkmenia. In: *South Asian Archaeology. Papers from the First International Conference of South Asian Archaeologists held in the University of Cambridge*. London, 1973. P. 105–118.
20. Burrow T. Tokharian Elements in the Kharosthi Documents from Chinese Turkestan. In: *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1935, vol. 67, iss. 4, pp. 667–675.

21. Carling G. Appendix to Mair. Proto-Tocharian, Common Tocharian, and Tocharian – on the value of linguistic connections in a reconstructed language. In: *Journal of Indo-European*, 2005, no. 50, pp. 47–70.
22. Hauptmann A., Rehren T., Schmitt-Strecker S. Early Bronze Age copper metallurgy at Shahr-I Sokhta (Iran), reconsidered. In: *Der Anschnitt. Beiheft 16. Man and Mining – Mensch und Bergbau. Studies in honour of Gerd Weisgerber on occasion of his 65th birthday*. Bochum, 2003, pp. 197–213.
23. Tosi M., Piperno M. The Graveyard of Šahr-e Sūxteh (A presentation of the 1972 and 1973 campaigns). In: *Proceedings of the IIIrd Annual Symposium on Archaeological Research in Iran*. Tehran: Iranian Centre for Archaeological Research, 1975, pp. 121–141.
24. Unterländer M., et al. Ancestry and demography and descendants of Iron Age nomads of the Eurasian Steppe. In: *Nature Communications*. DOI: 10.1038/ncomms14615
25. Yoshida Y. On the Origin of the Sogdian Surname Zhaowu and Related Problems. In: *Journal Asiatique* 291, 2003, no. 1–2, pp. 35–67.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сверчков Леонид Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан;
e-mail: lsverchkov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonid M. Sverchkov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Art Studies, Uzbekistan Academy of Sciences;
e-mail: lsverchkov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Сверчков Л. М. Дискуссия о «центральноазиатских фригийцах» и археологические данные // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 5. Циркумпонтика. Вып. V. С. 168–181.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181

FOR CITATION

Sverchkov L. M. Discussion about the “Central Asian Phrygians” and archaeological data. In: *Bulletin of State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 5, Circumpontica, iss. V, pp. 168–181.
DOI: 10.18384/2949-5164-2023-5-168-181